

ЕЛЕНА КАСЬЯН

FRAGILE

Елена Касьян

FRAGILE

Львов

2016

ББК 84.Р7
УДК 821.161.2
К 28

К 28 Касьян Олена

FRAGILE, *вірші*. – Львів: Ахілл, 2016. – 128 с.
ISBN 978-966-357-031-0

Наскільки б сильними і впевненими ми не здавалися, серця наші беззахисні та уразливі. Жити швами назовні боляче і лячно. Тому так часто ми ховаємо свою тендітність за серйозними обличчями, дорослими заняттями, важливими справами ... а іноді – під обкладинками книг.

Третя збірка віршів Олени Касьян – розмова про найголовніші речі: про життя і смерть, про час та любов. Про крихкий світ, де кожен з нас – тонка нитка, що скріплює полотно всесвіту.

Обережно. Не кидати. Не кантувати. Fragile.

ББК 84.Р7
УДК 821.161.2

К 28 Касьян Елена

FRAGILE, *стихи*. – Львов: Ахилл, 2016. – 128 с.
ISBN 978-966-357-031-0

Сколь бы сильными и уверенными мы ни казались, сердца наши беззащитны и уязвимы. Жить швами наружу больно и страшно. Потому так часто мы прячем свою хрупкость за серьезными лицами, взрослыми занятиями, важными делами... а иногда – под обложками книг.

Третий сборник стихов Елены Касьян – разговор о самых главных вещах: о жизни и смерти, о времени и любви. О хрупком мире, где каждый из нас – тонкая нить, скрепляющая ткань мироздания.

Осторожно. Не бросать. Не кантовать. Fragile.

ББК 84.Р7
УДК 821.161.2

© Касьян Елена, 2016
© Евгений Иванов (Eugene Ivanov),
рисунок обложки, иллюстрации, 2016
© Евгения Писаренко, *фото*, 2016
© Ахилл, *оформление*, 2016

ISBN 978-966-357-031-0

*Я пишу так, как будто спасаю чью-то жизнь.
Возможно, мою собственную.*

Клариси Лиспектор

Я ЕСТЬ ПИСЬМО

Я ЕСМЬ ПИСЬМО

1

Свитки бы исписал, а с небес ни строчки –
кончились имена у предметов.
Видимое – не полотно, а всего лишь точка,
искра света.

Так и живём, пока узнаванье длится,
выйти за скобки жизни – не сложно,
а вот раздвинуть на ширину страницы –
как можно?

Буду глядеть с небес, подбирать оправу –
чьими руками с тобой обняться.
А до поры мы живы и, значит, вправе
не расставаться.

Буду тебе посланием отовсюду,
все времена о нас, назови любое,
голубем в небе, небом лазурным, буду
тебе тобою.

7

Когда луны обмылок плыл над нами,
 Когда меня твой город не вмещал,
 И пустоты воображаемый овал
 Не размыкался утренними снами,

Мы упразднили время. Толку нет
 В его пустом вращении по кругу,
 Когда напрасным обещанием друг другу
 Остался мнимой яви мнимый свет.

Кем приходилась я тебе, какой
 Останусь тут, припомнится едва ли,
 Была ли памятью, была ли сном, была ли...
 Всё, что роднит объятия с тоской,

Держать у сердца глупо зачастую.
 Молчать на выдох, отпускать на вдох –
 Такой порядок ни хорош, ни плох,
 А только он один и существует.

Из той тишины – из продольной, прохладной на срезе –
 Представляется мне, ничего уже больше не вынуть.
 Раздувай этот шар, этот купол, пока он не треснет,
 И тогда станет легче хотя бы наполовину.

Наша ладная жизнь перекроена косо и криво,
 Горизонт непременно завален – что лёжа, что сидя.
 Только кто же там, господи, ходит над этим обрывом
 И обрыва не видит, стоит, а обрыва не видит.

Это я там хожу – и ношу тебя всюду с собою,
 Как чудной амулет, как куриный божок и награду.
 Если вкратце, то мир повернулся лицом и спокоен,
 Потому что теперь всё идёт наконец-то как надо.

Оставлены пожитки,
Всего-то пара строк,
На старенькой открытке
Затёрся адресок.
На завтрашнем причале,
Где ты – одно из двух,
Меня не различает
Потусторонний слух.
Как жили мы с тобою,
Где невозможно жить,
Как были несудьбою,
Попробуй расскажи.
Душа моя сурдинка –
Ни лика, ни лица.
И крутится пластинка,
И нету ей конца.

Я бросаю слово, будто тонкий невод,
Кто его достанет, сам заговорит.
Не ходи направо, не ходи налево,
«Буква убивает, а дух животворит».

Под мою молитву хорошо ли спится?
Кто очеловечен, лучшего не ждёт.
Каждый обратится в то, чего боится,
Каждый обитает там, куда идёт.

Где город носит сон на коромысле,
 Мой почтальон который день не спит.
 Я емь письмо тебе и в этом смысле,
 Идущий – это просто часть пути.
 Неважно, что во мне ты прочитаешь –
 Свою любовь, закат своей любви, –
 Ты только то, чего не означаешь,
 Сей час замри, сим часом оживи.

Укореняться в будущем не трудно,
 Как оставаться в прошлом насовсем...
 Мы спим и спим, нам снится Будда,
 Который потешается над всем.

В прошлое нынче невелики вложения,
 К вечеру сиротеем, к утру – тем паче.
 Вызубрить, как таблицу неумноженья,
 Список твоих игрушек: свистулька, мячик...

Я ль тебя обниму, я ли здесь утешу:
 Это не Кали-юга, не Кали-юга...
 Выхватит нас из сумрака луч нездешний,
 Будем ещё нежней отпускать друг друга.

Не удержать в руке, в голове, меж чресел,
 Сущее бестелесно – и в этом чудо.
 Тот, кто семь раз отмерил, один отрезал,
 Знает, откуда смерть или жизнь докуда.

Мячик, свистулька – надо ли всё итожить,
 Нам далеко ещё до второго круга.
 Боже мой, сколько нежности, боже-боже...
 Это не Кали-юга, не Кали-юга.

Вот так, скрипя о петли бытия,
 Раскачивает ветер колыбель,
 Где нас Творец попарно изваял:
 Совместный быт, совместная постель,
 И только вечность каждому своя.

А время всё прозрачней на просвет,
 И проступает контур декупажа,
 Где я снимаю платье, как конверт,
 Где мы – пейзаж, вернее, часть пейзажа,
 И смерти нет, и утоленья нет.

И мы никто, и мы уже нигде,
 Лишь колыбель качается со скрипом,
 И рябь идёт по небу и воде,
 Где ты меня читаешь, как постскриптум –
 И там, и здесь, и далее везде...

– Бери, – говорит, – я ли тебе не янтарь,
 солёный ветер, густая крона, резная кость,
 белое облако, тонкое зеркало, киноварь,
 я ли тебе не праздник и не тропарь,
 не желанный гость?

– Мой свет, – говорю, – пока мы в руках Его,
 Седьмое небо переливается через край,
 не говори ничего, не спрашивай ничего.
 Где моё сердце касается твоего,
 там и рай.

ИГРАТЬ В СЛОВА

Играть в слова словами ради слов...
Изъять из новых правил очевидность.
Но ночь прошла – и стало хорошо,
В одно касанье затянулся шов,
И шва не видно.

В моих песках зыбучих долог день,
Я пробираюсь к медленным ущельям,
К поющим чашам, в бархатную тень –
Не за прощаньем вдоль миражных стен,
Но за прощеньем.

Здесь, отделяя сумерки от снов,
К чему менять вопросы на ответы?
Так, всё запомнив, ко всему готов,
Цветок закроет створки лепестков
И ждёт рассвета.

Не опереньем ценится стрела,
Но до поры несбывшейся мишенью.
Глагольной формой – «буду, есть, была» –
Стою по эту сторону стекла
В твои владенья.

Луна просверлит сумрак до кости,
И каждый камень побелеет вскоре.
Я говорю себе: «Лети, лети!»
Который август город взаперти
Вдали от моря.

Господне лето... Над большой водой
Не каждый ветер выровняет птицу.
Но всякий волос станет тетивой,
Где я в тебя ныряю, как в прибой,
И не боюсь разбиться.

Там, где время казалось линейным, а дата отсроченной,
все заглавные буквы опали, слетели со строк.
Я пишу тебе длинные письма неровным почерком –
и, похоже, отчасти живу тебя впрок.

Я не знаю, что толку в словах? Мы надёжно обучены
продвигаться на ощупь в невысказанной темноте.
Время медлит и делает крен – и сентябрь уходит в излучину.
Вот теперь говори обо мне, говори обо мне!

Вот теперь составляй икебану из этого райского сада,
паутины фонтанов, причудливой вязи аллей,
проводов и столбов... И другого, похоже, не надо.
Получи мои письма, когда их сорвёт с тополей.

Увези меня, моя радость, к большой воде,
где сидеть у кромки, почти становясь водой,
где ни прошлых бед, ни обид горячих, ни глупых дел,
где с тобой и только,
с тобой и только,
с тобой...
Где и память канет, и время медлит, и тает боль,
где любовь везде.

Забери меня, моя радость, из этих мест,
тут такая осень, что стынет зрачок в глазу,
все дожди стекают на этот город с холста небес,
и сентябрь рисуют,
закат рисуют,
грозу...
И в изломах линий уже ни солнца сверху-внизу,
и печаль окрест.

Увези меня, моя радость, к большой волне,
где тугие чайки над белой пеной висят,
где качает время мои тревоги на самом дне,
где я буду вся тебе,
буду вся тебе,
буду вся...
Где на самом дне жемчуга ловить никому нельзя.
Только мне.

Оттого ли двигаться по краю,
Что других ориентиров нет?
Я сама пока не понимаю,
Как мы помещаемся во мне.

Отчеркнуть касания и жесты,
Упразднить объятия, и тогда –
Что такого ты увидишь вместо
Этой дани разным городам?

Нам ли, дерзким, до сих пор горящим,
Откровенья считать с листа,
Чтобы этот звук животворящий
Отворил упрямые уста?

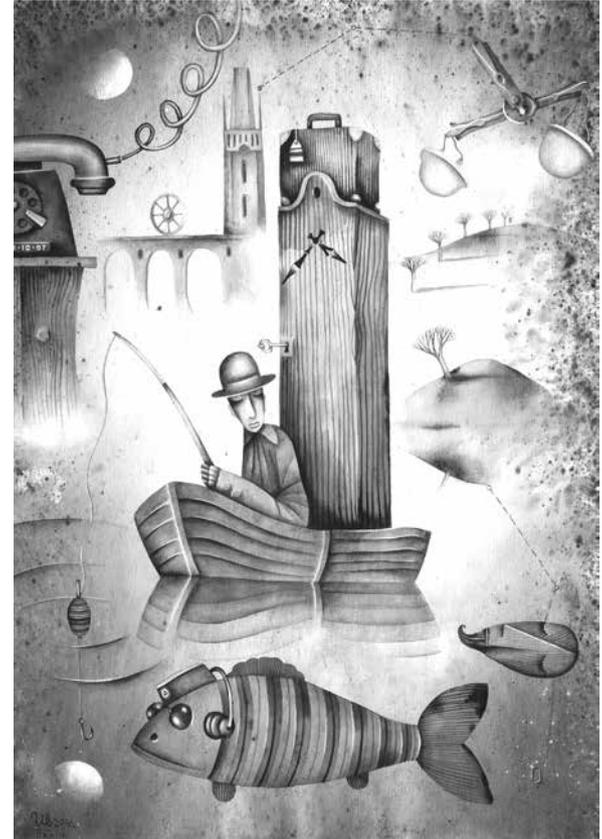
В ожидании вселенской стужи,
Как на этот атлас ни смотри,
Даже если выбраться наружу,
Всё равно останешься внутри.

Где дороги неисповедимы,
Не солги, не выдай, не убей.
Что ты знаешь обо мне, помимо
Неизбывной нежности к тебе?..

Так и жить – угадывать заранее,
Изменяя линии руки,
Узнавая даже очертания,
Совпадая даже вопреки...

Какие штормы застят белый свет,
какие смерчи свищут во вселенной,
душа моя, неважно, сколько лет
нам плыть и плыть по этой глади пенной,
стоять на вырост, вглядываясь вдаль,
среди теней угадывая кровных,
понять, что, в целом, ничего не жаль,
поскольку даже сам себе не ровня.
Поскольку здесь на царство не взойти,
не обойти знаменья и предтечи,
но, Боже правый, посреди пути
вдруг различить родное, человечье,
тебе навстречу полное любви,
что только чудом и сумело сбиться.
И вот, покуда светится, живи,
покуда длится...

Оставаясь в тиши этих медленных внутренних вод,
По колено в разлуке своей, по ключицы в печали,
Я тебе говорю, что и это однажды пройдёт.
Чем глазастее страх, чем невысшимей ужас вначале,
Тем неистовой свет, тем уверенней бьётся внутри
Бесконечная жизнь, ничего не оставив снаружи.
Там одна пустота, если хочешь, иди и смотри,
Как рождается мир, лишь тобою себя обнаружив.

Так рыбина утащит рыбака
во тьму и глубь, по тайному теченью,
когда добраться до материка
уже не составляло... Но значенье
имеет только море над тобой.
И всё, что было важным и искомым,
вдруг обернётся не дорогой к дому,
но пустотой.

И в пустоте отыскивать приметы,
но я молчу (прости меня, прости),
в какую степень нас произвести,
чтоб уравнение сошлось с ответом?
И как простым сложением измерить
всю эту толщу ночи и воды...
Слова в гортани – что твои следы
на ручке двери.

Время месит белый свет в аккуратные просфоры,
В белых капсулах квартир спит людское вещество,
Осень смотрит на меня, не готова к разговору,
И хотела бы сказать, да не скажет ничего.

Бесполезно выбирать, если сам себе свидетель,
У молчания в долгу оставаться если бы...
Среди всех возможных форм пребывания на свете
Остаётся только быть, остаётся только быть.

Оставляя между строк карандашные пометки,
В монохромный этот мир глупым цветом проращать,
И качаться, словно лист на запястье голой ветки,
И о будущей зиме ничего ещё не знать.

Город метнётся навстречу тебе вдоль дождя –
запахом мокрой коры, штукатурки, озона..
Собственно говоря, никакого резона
всё это помнить и прятать в карман, уходя.

Время легко избавляет от всех полумер.
Если, на самом-то деле, ничем не владеешь,
глупо присваивать, что и помыслить не смеешь.
Так говорят о последней любви, например.

Что же касается памяти... видимо, не
в ней уже дело, поскольку и даты исчезли.
Значит, действительно, что-то меняется, если
внутренний голос становится слышен вовне.

Там, где уже бесполезно склонять падежи,
столько изнанки у слов, что немеешь невольно.
Осень осадит неслышно, обнимет не больно.
Господи, что с этой нежностью делать, скажи?

Город глядится в окно. Изнутри на него
смотрят стенные часы с молчаливым укором,
словно пытаясь отсчитывать время, в котором,
кроме бессмертия, нет ничего, ничего...

На полуфразе прерван разговор,
И все слова стекли на дно воронки.
Но всё саднят и ноют до сих пор
Засвеченные кадры киноплёнки.

О, сколько надо жизни, сколько сил,
Чтоб не забыть сном полнометражным,
Где кто кого сильнее разлюбил,
В конце концов, окажется не важно.

В конце концов, из каждой маеты
Не прорастает ни бутон, ни стебель.
И потому прорвись хотя бы ты,
Такой, каким ещё ни разу не был,

Каким тебя никто ещё не знал,
С вот этим светом нутряным, помимо
Всего, что сам себе насочинял,
И полагал почти невыносимым.

С галёрки даже титры не видны..
Покуда свет не зажигают в зале,
Прорви экран! С обратной стороны
Всё так, как мы и не предполагали.

Ты слышишь, под нами несутся составы метро,
Древесными кольцами ночь раздвигает нутро,
В ладонь-пятилистник ложится прожилка судьбы.
Когда бы не сумерки эти, то где бы ты был,
Когда бы не темень, где, руку ко рту приложив,
Очнёшься от яви, не ведая, мёртв или жив,
Садишься в постели – мелькают в окне фонари, –
Мы едем, любовь моя, слышишь, грохочет внутри.
Светает стремительней, чем облетает листва,
Быстрее, чем выдох умеет сложиться в слова,
Быстрее, чем нас опознают на каждом посту,
Быстрее, чем стрелки часов на стене прорастут.
Быстрее, чем время продавит решётку груди...
Светает, светает, любовь моя, всё позади.

Внутренний дворик похож на ушную раковину,
Ночью форточка хлопнет – и можно оглохнуть.
В каждой ветке древесные кольца упрятаны,
Словно молочные зубы в дёснах.

Ветер, конечно, имеет свои преимущества:
Всё, что ему не дуда, то крыло или парус.
Медленно дышат немые деревья, растущие,
Словно послушные дети, попарно.

Белые рыбы над городом. Их плавниками
Небо ощупает крыши и всех приголубит.
Город смеётся во сне, населённом не нами.
Время пунктирно, как «любит – не любит».

УЖЕ ЗИМА КАСАЕТСЯ ПЛЕЧА...

Вероятность того, что город, уснувший снаружи,
Обойдёт тебя сзади и вытолкнет незаметно,
Так ничтожно мала, что пугаешься, вдруг обнаружив
Перемену пейзажа, а попросту – смену места.
Так пространство комнаты, не уместаясь в пределах
Коммунальной квартиры, отрацивает конечность.
Так и ты, упражняясь в бессоннице, то и дело
Переводишь стенные часы – с поправкой на вечность.

Уже зима
касается плеча.
Покуда страх отлаживал прицелы,
мы говорили
о простых вещах
и потому опять остались
целы.
В картонном небе
пробивая брешь,
моя печаль
летела и летела,
но тишины винительный падеж
теперь всё строже
спрашивает
с тела.
В который раз в попытке уравнивать
с воздушным змеем
самолёт бумажный,
я понимаю:
нечего сказать,
когда уже различие
не важно.
И к пустоте спиною прислонясь,
смотреть, как снег
проламывает
время,
и наконец увидеть эту связь
всего со всем, меня со всеми.

Оттого, что зима, оттого, что глядит из ночи
подворотнями глаз белый город в белёсое небо,
оттого, что у памяти не было веских причин
нас кормить от души воробьиным усушенным хлебом,

мы стоим посреди этой жизни одни, посреди
этих смертных людей, что покуда отчаянно живы,
и, мне кажется, чаще теперь холодеет в груди
оттого, что пейзаж истончается вглубь перспективы,

означая её завершение. Можно и впредь
раздвигать пустоту в бесполезной попытке ответа,
но, похоже, никто дальше смерти не хочет смотреть,
дальше снега её, дальше этого белого света.

Мы войдём в этот свет, в этот год, в этот белый предел,
как входили до нас в ту же реку, в бессменную данность.
Оттого ли, что строй воробьиный наш так поредел,
Рождество долгожданно, воистину, долгожданно...

Поскольку
время вычли до того,
как мы в него пытались
просочиться,
когда по снегу чёрная лисица
петляла след
от дома моего,
и снег
лежал исписанной страницей,
побудь никем, уж если ты никто.
Тебе такому
раньше всех зачтётся.
Когда луна
взойдёт
со dna колодца,
молчи и слушай, выбирая то,
на что
любовью
сердце отзовется.

Этот город как будто опять не у дел,
Он меня отпустил и растерян поныне.
Так беспечный любовник дражайшее имя
Всё катает во рту, покидая постель.

Я иду, прорывая его пустоту,
Паутину невидимых связей и смыслов.
Как добычу свою подпуская на выстрел,
Он стоит неподвижен на этом посту.

Он не ждёт никого. Что ему поезда?
Что ему до того, кто рождён и схоронен?
Что ему до меня? Всё песок и вода...
Всё брусчатка и пыль... Всё узор на ладони...

Мой мирок карамельный, мой космос в груди,
Подержи надо мною целительный полог.
Я не знаю, сколь путь мой суров или долог,
Но я буду идти.
Но я буду идти.

И только скрип усталой половицы,
И только долгий выдох в тишине
Нас выдаёт. То звери или птицы –
На потолке, на кресле, на стене?

Не пустоту раскачивать, как лодку,
Но запрокинув голову смотреть,
Как эта темень выгрызла проводку
И обглодала комнату на треть.

Луна глядит в окно, как морда пёсья,
Трамвай последний всхлипнул и затих,
Но ты не бойся, спи себе, не бойся,
Нет ничего страшнее нас самих.

Он говорит – неси,
сколько сумеешь. Сил
хватит. Тянись ко мне,
даже когда на дне
будешь, вставай со дна.
Даже когда одна
буря другой сильнеей,
встань и пройди под ней.
Это твоё. Тянись
этим со всех сторон.
Если такая жизнь,
значит, таков закон.
Он говорит – смотри,
чем ты владеешь здесь?
Ноша твоя внутри,
ты – это всё, что есть
тут твоего. Неси,
сколько сумеешь. Сил
хватит.

Если я тебя забуду,
Кто узнает, как всё было,
Как замешивал белла,
Как сурьюмою разводил,
Мерил жизнь мою докуда,
Не дотягивал до чуда,
Но пока я говорила,
Ты со мною говорил.

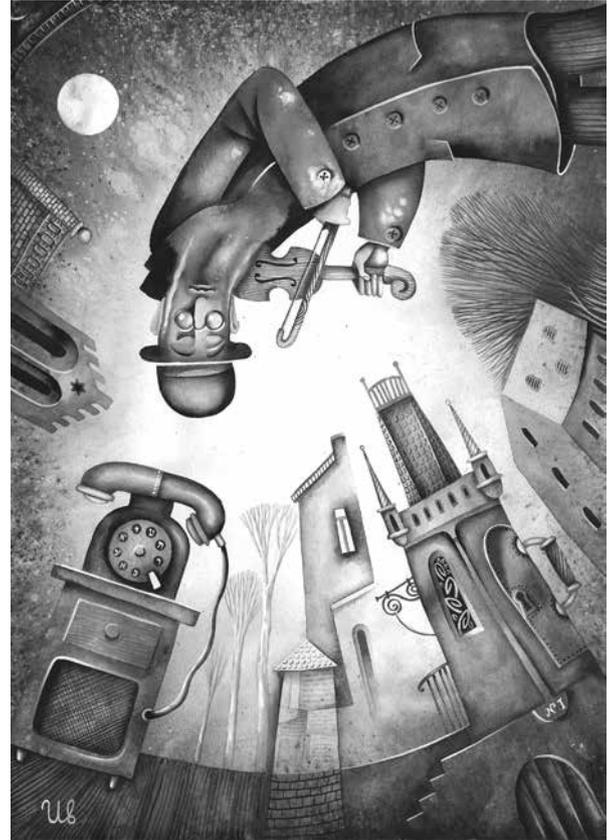
Ветер сносит грозные
Облака, как куклы вуду,
Если я тебя забуду
Что блеснёт среди золы?
Мы давно уже другие,
Но пока ещё живые,
Пригуби вина, Гертруда,
Никакой тебе хулы.

Смерть катается повсюду
На смешном велосипеде,
Мы уедем, мы уедем,
Не догонит нипочём.
Если я тебя забуду,
Если я тебя забуду,
Остаётся только ветер
За вторым моим плечом.

ГОЛОС, ДЫМА НЕВЕСОМЕЙ...

Ещё держу, ещё держу,
но отпускаю, отпускаю...
Точильным камнем по ножу –
по мне идёт волна другая,
и по тебе, и по тебе,
и никого не огибает,
ни тот немислимый Тибет,
ни этот мыслимый Дубаи,
ни те иные миражи,
ни эти знаки на конверте...
Гляди, гляди, какая жизнь
по обе стороны от смерти.

Ещё твоё дыхание зиме
несоразмерно. Город монохромен.
Его качает музыка извне
и стылый ветер треплет по плечу.

А в вышине витает надо мной
один твой голос, дыма невесомей,
и я его, как шарик надувной,
веду за нитку и не отпущу.

У декабря касательно меня
сомнений нет, но ты – другое дело.
Когда бы нас местами поменять,
когда бы мне внутри такую тишь.

Но у воздушных шариков душа
всегда настолько видимее тела,
что я гляжу, почти что не дыша.
А отворю ладонь – и улетишь...

Потому что с тобой говорю я на всех языках,
На живом и на мёртвом, на нынешнем и на вчерашнем,
Я сама то дремучая выпь, то немая треска.
Быть тебе кем угодно – уже не смешно и не страшно.

Спи теперь до рассвета. Качается дом на ветру,
Ночь полощет луну в отсыревшей небесной лохани.
Город будет тянуться к тебе миллионами рук,
Только мне, только мне не дотронуться даже дыханьем.

Я жалею тебя, потому что мы были близки
В послезавтрашнем дне, где лишь контур ещё осязаем,
Потому что мы смертны, как эти простые стихи,
И как эти стихи, мы однажды тут всё потеряем.

Эта глупая нежность не ведает звуков и букв,
Но её немоту обретая, как редкую милость,
Ничего не ответь на мою тишину, если вдруг
Ничего не случится. Уже ничего не случилось.

Если кто и смотрел на меня через это окно,
через дырку в стене,
через брешь над моей головою,
то, конечно, не ты, потому что тебе всё равно
не утешить меня – ни оплакать, ни даже присвоить...
Потому что кому
ты потом передашь этот ад,
этот страшный цветок, от которого нежно и больно,
от которого как отвести и ладони, и взгляд,
от которого как отмахнуться и бросить: «Довольно»?

Вот идёт человек, по колено в своей тишине, –
вот невидимый посох его и невидимый компас, –
по висячим мостам, по заоблачно-белой стерне,
приближаясь к стене, разделяющей небо и космос.

Кто ещё не стоял, холодея у этой стены,
прижимаясь лопатками
к этим картонным изломам,
сочиня слова, что пока не произнесены,
превращая любую обложку в подобие дома?
Там висит календарь,
у которого каждый в плену,
там висит циферблат, у которого каждый тем паче...
Редкой рыбе случалось прощупать свою глубину,
но попробуй, попробуй – туда не проникнуть иначе.

В чешуе по ключицы, по горло в небесной воде,
не держась за тяжёлые корни и нежную поросль,
где другие немые цветы прорастают везде,
мы всплывём и обнимемся порознь,
обнимемся порознь...

Когда в этом городе
наконец-то закончатся сумерки,
и длинный колыбельный поезд
вынырнет из пустоты,
как лунное отражение из глубины колодца,
я хочу быть
в ситцевом белом платье,
в лёгких открытых сандалиях,
и чтобы новый ветер развевал мои волосы.

Пусть это будет ранняя осень
или поздняя весна,
чтобы невыносимо пахли ландыши,
или черёмуха,
или вереск, на худой конец.
Будет пронзительный утренний свет,
и глупый голубь,
влетев под округлый купол вокзала,
станет биться и биться о толстые стёкла свода.

А мы будем стоять, держась за руки,
запрокинув головы, затаив дыхание,
и думать: «Глупая, глупая птица...
Ну что же ты! Ну давай же!»
И голубь
вдруг поменяет траекторию полёта,
и найдёт брешь в этом стеклянном небе,
и выскользнет в синь,
как глубокий выдох из лёгких,
как скорый поезд
из бесконечной темноты тоннеля.

И не будет знать, глупый и тёплый,
как мы спасли ему жизнь
просто потому,
что избыток любви всегда находит возможность
вытолкнуть к свету кого-то ещё –
кого-то упрямого и живого,
у которого (как знать),
возможно, и не было ни единого шанса.

Кого винить, если всё уже давно говорено по кругу,
К чему взывать, если всё предreshено – и завтра, и сейчас?
Бывает так, что случайные слова не лепятся друг к другу,
Что говорить о каких-то там двоих... тем более, о нас.

Уже не в счёт ни ошибки за спиной, ни грядущие удачи,
И бесполезно оправдывать себя нелепой парой фраз.
Когда-нибудь всё получится не так, получится иначе,
И обо всех позаботятся сполна... тем более, о нас.

Не торопи – ни песочные часы, ни пугливую кукушку.
И ничего, что состарилась листва – так было много раз.
Уже сентябрь, и время норовит раскладывать ловушки,
Не забывая при этом ни о ком... тем более, о нас.

А мы стоим – больше некуда бежать – растеряны, как дети,
Осенний ангел глядит из облаков, прищуривая глаз.
И почему-то мне кажется, что он один на целом свете
Всё понимает и знает обо всех... тем более, о нас.

Дерево машет крыльями, словно птица,
Ветер ласкает ветку за голый локоть.
Где это было видано – так влюбиться,
Даже теперь не зная ещё, насколько.

Город по небу водит луну за нитку,
Нет неизбежной времени, чем вот это,
Можно ещё уснуть со второй попытки
И, наконец, очнуться в другое лето.

Даже прощанье – это, отчасти, встреча.
Жизнь поступает с нами не зло, но мудро.
Кто понимает это, стареет легче.
Спи, у тебя случится другое утро.

Там баобабы прячут траву от света,
Кто-то надёжный ведает семенами,
Там Антуан летит над своей планетой –
И ничего плохого не будет с нами.

В тот раз, когда мы виделись с тобой,
подумать даже страшно – в прошлом веке,
кто мог предположить, что даже боль
способна раствориться в человеке
почти до дна. Пространство сиротеет
ещё в прихожей, дом не заселён
теперь никем. Никто не повзрослеет,
никто не будет заново влюблён.
Когда мы жили в городе, куда
теперь и письма долетят едва ли,
что знали мы о цифре «никогда»,
что мы, вообще, о чём-то понимали?

Где ничего от нас не остаётся,
у отражений слишком глупый вид.
И тишина из комнаты смеётся,
и пустота из зеркала молчит.

У меня был Краков, Париж и Рим,
Где ни мост, ни купол не стал моим,
Я могла живое открыть живым,
Но искала камень и ключ под ним,

Я пыталась мир заготовить впрок,
Этот мир пока был не слишком строг.
До поры кивал мне лукавый бог,
Но теперь неясно, каков итог.

Если нить тонка, то болит порез,
Если ждать беды, то она окрест,
Но когда созрел и готов замес,
Никакой нужды в перемене мест.

И легко сквозь бусину нить течёт,
И в груди пульсирует горячо,
И не важно время, ни день, ни год
Для того, кто знает, куда идёт.

Всё, чего ты ищешь, давно внутри,
Это очень просто – бери смотри.
И давай себе-то уже не ври –
Бесполезен ключ, если нет двери.

Всё пустые разговоры,
Всё советы, да не те.
У меня внутри просторы,
Что лететь бы да лететь.

Ай, люли мои люли,
Страх встаёт на костыли,
Ковыляй себе, болезный,
Поищи другой земли.

Я жила себе, выросла,
Мне без малого вся жизнь.
Каждый первый то и дело
Говорит: давай держись.

Каждый первый знает точно,
Где бревно в чужом глазу,
Ах, вы ночи мои ночи,
Ах, кораблики в тазу,

Ах, ковровые узоры,
Ах, тесёмочки в косе,
Разговоры-разговоры
На нейтральной полосе.

Не спеши подбить итоги –
Воля наша, чья бы власть...
Смерть оббила все пороги,
Жизнь пока что не сдалась.

Выбери в местной лавке себе платок –
синий, с кистями. Время стучит в висок...
Раньше ни в жизнь бы!

Кисти?

Да ну, окстись!

Раньше ни в жизнь бы,
а получилось
в жизнь.

А получилось – можно ещё потерпеть.

Прямо из неба ноябрь высыпает медь.

И вопреки ожиданиям,

снам вопреки –

просто стоишь и молчишь в середине строки.

Город блуждает, потерянный,

словно щен,

голым запястьем ветка касается стен.

Я тебе птица,

я тебе синий платок,

я тебе осени этой взведённый курок.

Что же нам делать,

как же себя уберечь?

Ветер разложит листву, как прямую речь.

В каждой строке – заклинание и псалом.

Просто прочти и запомни,

дозреешь

потом.

Когда бы знать, что это будешь ты,
Из отрешённости и немоты,
Где чёт и нечет – то один, то двое –
Но ты другое, господи, другое.

Покуда жизнь уверенно права,
Твоё молчанье больше, чем слова.
Но никого не поменять местами,
Тронь циферблат – и времени не станет.

Всё так и шло. И если о тебе
Мне ничего здесь не напоминало,
Ни шум листвы, ни суета вокзала,
То о твоём присутствии теперь
Всё говорит и явственней, и строже.
И этот август оттого дороже,
Что здесь ещё немыслимее зима.
Пейзаж размыт, движения нерезки,
И наблюдать дыханье занавески –
Лишь верный способ не сойти с ума,
Покуда тех, кто бесконечно врозь,
Обточит время, как слоновью кость...

Это такие слова... удивлённые буквы
Жмутся к строке, рассыпаются жухлой травой.
Это такие слова... произносишь, и будто
Небо застыло в гортани водой неживой.

Это такая пора – то штормит, то качает.
Поговорить бы об этом... да что говорить,
Если слова ничего уже не означают,
Если проститься уже тяжелей, чем простить.

Столько любимых вокруг – разрывается сердце,
Словно не осень, а вечность вступает в права.
Как наглядеться на всё это, как наглядеться?
Время не вылечит... Это такие слова.

Я помню всё. Никто не торопился,
А мир был юным, тёплым и живым.
Мне было шесть, и мир ещё светился
Сам по себе, и я владела им.

Ещё никто в наместники не метил,
Ещё дышала вечность за плечом.
Как было просто думать о бессмертье,
Как было просто думать ни о чём.

Я помню всё. Как птицы щебетали,
Как закипала в чайнике вода,
Как занавески в спальне оживали
И шли часы неведомо куда.

И первый луч ловил меня в постели
(То было счастье, что ни говори),
И как задорно ящички скрипели
В комодке старом слева от двери.

И отражался свет в небесной призме,
И мир лежал, как азбука в руке,
Где было всё о радости и жизни,
И ничего о смерти и тоске.

Не говори о нас, не говори,
и даже в самом сердце де Пари,
где мы могли однажды умереть,
когда бы жизнь
не праведней, чем смерть,
когда бы свято место не про нас,
когда бы жили
только в этот раз.
Но до сих пор пульсирует внутри:
не говори о нас, не говори.

Во мне растут сады и города,
во мне горит небесная руда,
скрипят качели, облако плывёт,
а на качелях
девочка поёт.
И так поёт, что не о чем жалеть,
покуда жизнь
не праведней, чем смерть,
покуда всё растает до зари,
как фонари проспектов де Пари.

И уцелеет только горизонт,
но говорить об этом не резон –
слова легки, изменчивы, пусты...
Внутри меня
висячие мосты,
под небом птица, рыба в глубине –
как это всё
вмещается во мне,
живёт и дышит, требует любви?
Там старый дом шиповником увит,

почтовый ящик на его двери
(не говори о нас, не говори),
вокруг стоит высокая трава
и на ветру
качается едва,
и в той траве лежит мой детский страх,
мой детский стыд,
мой ужас на губах,
моя тоска, моя смешная боль –
всё, что ещё не связано с тобой,

лежит в траве, но не болит давно...
И я смотрю, как старое кино,
и вижу только утро и восход.
И на качелях
девочка поёт.
О, эта песня – всё нутро моё,
а жизнь и смерть –
лишь строчки из неё.
И если хочешь, слушай и смотри.
Но ничего о нас не говори.

Всё проходит, всё пройдёт,
Спит у печки серый кот,
За окном метёт метель,
Дремлет бабушкина гжель,
Дремлет мамино шитьё,
Дремлет дедово нитьё,
Спят деревья в переулке,
На балконе спят сосульки.
Тише, Танечка, не плачь,
И дался тебе тот мяч.
В доме сухо и тепло,
Город снегом замело,
А наступит новый год –
Деда с бабкой уведёт –
Навсегда, на «никогда».
Мячик – это ерунда.
По небесному по льду
Деда с бабкой поведут,
Тише, Танечка, поверь,
Жизнь полна таких потерь,
И не знаешь наперёд,
Что река тебе вернёт.
Скоро утро, баю-бай,
Покатился мячик в рай.

Здесь отставали всякие часы,
И потому она не торопилась.
Стоял февраль, закончились чернила,
Сошли с ума напольные весы.

Ах, от рутины этой кто бы спас...
День становился длинным постепенно,
Отцовский свитер был ей по колено,
А мамины наряды – в самый раз.

Она любила тёплое питьё,
Большие чашки, запах кардамона,
Носила сапоги не по сезону,
И это не заботило её.

Он приезжал обычно в выходной –
Всё обнимал, взъерошивая чёлку,
Она тогда болтала без умолку,
И он всегда любил её такой.

О, как хотелось, чтобы ничего
Не нарушало этого порядка.
А волшебство – воровано и кратко,
Но всё равно, по сути, волшебство.

Он с ноября ни разу не звонил.
Она не хочет знать, что это значит.
О, как неспешно время стрелки тащит.
Достать чернил, сперва достать чернил...

КУДА Я БУДУ ТЕБЕ ПИСАТЬ...

Это кто сидит на большом холме,
Это кто качает луну во тьме?
Это я сижу под большой луной.
Не играй со мной, не играй со мной.
Колосится в поле полынь-трава,
Из оврага тянутся деревья,
Облетает снегом жасмин в саду.
Если кто не спрятался, я найду.

Так она шептала, глядела в ночь.
Никого, готового ей помочь –
Ни родни, ни друга, ни жениха,
И всегда одна-одинёшенька.

Не ходи гулять под моей луной,
Не шути со мной, не шути со мной.
Я на этом свете случайный гость,
Я любовь до гроба, я тлен и кость.
Что ж они пугаются все подряд,
Обо мне недоброе говорят,
Я же с ними, как с детворой вожусь...
Чем такая мука, пойду рожусь.

Куда я буду тебе писать? По снегу огненная лиса
перетекает из света в ночь. Вот так и ты улетаешь прочь
из наших сумерек и сетей, от наших радостей и страстей,
перетекая в немое «был...»
Вдовеют все, кто тебя любил.

Прижмётся город лицом к стеклу. Разбей яйцо, отыщи иглу
и убедись, что она цела – почти нетронутая игла.
Каких гарантий тебе ещё? Вростает небо в твоё плечо,
втекает вечность в твои глаза,
как в нору огненная лиса.

Куда я буду тебе писать? Во мне цветёт прошлогодний сад,
во мне качается синий лес и птицы носятся вдоль небес,
но нет ни города, ни страны, где эти письма тебе нужны,
где ты ещё не совсем отвык
и понимаешь земной язык.

Мы изучили немало слов, от них осталось одно – «любовь».
И все, кто шиты одной иглой, навеки связаны здесь с тобой
в один сияющий гобелен – ему не страшен ни прах, ни тлен,
ему ничто не мешает быть.
И ты в нём нить...
И я в нём нить...

Как-то всё уладится, заживёт.
Я уже давно тебе не пишу.
Вот ещё один пролетает год,
Словно нераскрывшийся парашют.

Как-то всё уладится, не впервой.
Мы проснёмся прежними в январе,
Снег лежит непуганый, молодой,
Лепят бабу снежную во дворе.

Отчего же муторно, отчего
Засосёт под ложечкой поутру?
Человек – забавное существо:
«Все умрут, а я один не умру».

Распахнутся белые покрывала,
Город снегом намертво занесён.
Мы опять неправы, а жизнь права,
Потому она побеждает всё.

Потому не думаю наперёд,
Никуда по-прежнему не спешу.
Парашют откроется, снег сойдёт,
Я тебе когда-нибудь напишу.

И этого хватило бы вполне,
Для музыки порой довольно ноты,
Но бесполезно думать, кто ты мне,
Ещё не понимая даже, кто ты...

Руки касаться, словно в первый раз,
Неметь на выдох, глупо улыбаться,
Пока за скобки одного из нас
Не вынесут и не начнут с абзаца.

Кем я была доселе, кем ты был?..
Теперь стоим растеряны, как дети,
Пока одна из центробежных сил,
Не разомкнёт совсем объятья эти.

Но как тебя, мой свет, ни назови,
Пусть ничего с тобою не случится,
Пока мерцает свет моей любви,
Сулящей всё, чему уже не сбыться...

Ночь оставляет нетронутым только контур.
Смертным быть тяжелее, чем просто живым.
Каждого, кто покидает тёмную комнату,
Страх отпускает на время. Следить за ним
Можно на расстоянии – страх вторичен.
Самые важные правила слишком просты.
Если глядеть из форточки, воздух геометричен,
Как доказательство правильной пустоты.
Всё, что тебя с поражением соотносило,
Что разделяло пространство с календарём,
Всё, что ещё вчера тебя не убило,
Завтра становится лучшим поводырём.

Всего-то – верить в тебя и только.
Уже не слепнуть от чужих радуг...
Смотри, отпущено любви сколько,
Смотри, какая надо всем радость,
Когда случилось посреди сбывься
И птицам небо отворить в лето,
Когда летели сквозь меня птицы,
И воздух рябью шёл от их света.
Не обрати мою печаль в камень,
Придёт вода и всё до дна сточит,
А после станет и вода нами
И понесёт среди других прочих...

А до поры неразрешим ребус,
Кому воздастся и вином, и хлебом.
Но вот любовь моя летит к небу,
И вот становится сама небом.

КОГДА-НИБУДЬ...

И вот уже
захвачены врасплох,
и нас внезапно покидает время,
где мы опять становимся не теми,
кем кажемся себе,
но, видит Бог,
в попытке вычесть знаки препинанья
мы сочиним
такой молитвослов,
в котором всё – равняется любовь,
а каждый звук – псалом и заклинанье.
И в нашем небе
повисает птица,
где время нас покинуло опять,
и мы молчим,
не зная, как начать.
И только птица в небе длится, длится...

Когда-нибудь, когда меня не станет,
Когда качаться маятник устанет,
Когда любовь моя пройдёт по краю,
Мои черты уже не повторяя,
Мои черты уже не узнавая,
О, как, наверно, буду не права я,
Пытаясь всё запомнить и отметить,
Чтобы потом найти на этом свете
И обернуть в привычную оправу.
О, как мы все на этот счёт не правы...
А до тех пор стоять на этом месте,
Пока собор макает в небо крестик
И облака случайные цепляет.
И облака плывут и исчезают...

Где вышел срок унынию и муке,
Стоят деревья, вширь раскинув руки,
Готовы каждый миг сомкнуть объятья.
О, что смогу прощанием назвать я?
Вот этот мостик между сном и явью?
Вот этот взгляд, наполненный печалью?
Вот этот выдох между «был» и «не был»?
Вот эту нежность, тонущую в небе?

Душа моя, покуда горний ветер
Ещё ласкает крыши на рассвете,
Покуда воздух полон ожиданья,
Любовь не знает страха расставанья,
Любовь не знает холода забвенья,
Любовь не знает муки сожаленья –
Она слепа, а значит, беспристрастна.
И потому мы верим не напрасно,
Пока она ещё парит над нами,
И мы глядим на мир её глазами.

На песчаную косу небо вылетит бирюзу,
Ветер с моря обещает долгожданную грозу.

Тяжелеет старый сад, клонит гроздь виноград,
Это август, это август коронует всех подряд.

На столе резной узор, будет долгим разговор,
Это кто там вездесущий на меня глядит в упор?

Что бы ты ни сочинял, человек ничтожно мал,
Ты ломать его пытался, но пока не доломал.

Ветер – нежная пила – слижет камень добела,
Чайка мечется над морем, словно швейная игла.

Кто забрасывает сеть, будет ждать улова впредь,
Будет божьими глазами на кораблики смотреть.

За волной идёт волна, время пьёт тебя до дна,
И с другого побережья боль твоя едва видна.

Но всему приходит срок, август целится в висок.
Старый ботик третьи сутки носом тычется в песок.

Ветер двинется на юг, тронет лодочку твою,
Не успеешь оглянуться – пришвартуешься в раю.

Каждого и прости, и благослови,
Вот тебе жизнь, вот тебе Бог над нею.
Нет ничего мучительнее любви,
Нет ничего прекраснее и сильнее.

Там где одна дорога, сомнений нет.
Хочешь – иди; не хочешь – и так протащат.
Лестница в небо строилась сотни лет
Лишь для тебя, помни об этом чаще.

Все поезда уходят не вдаль, но вверх.
Каждый решает сам, что закон, что случай.
Быть несчастливым – это смертельный грех.
Странно, что нас этому здесь не учат.

Сердца на всё не хватит, не торопись,
Только представь – собрался любить, а нечем.
Смерть не страшнее жизни, но тоже жизнь,
Выдохнешь этот ужас – и станет легче.

Выдохнешь этот страх, суету и боль –
Время-старьёвщик всякого обдирает.
Видишь, в сухом остатке одна любовь,
Только она одна, без конца и края.

Только она останется навсегда.
Поезд легко отчалит и не заметишь,
Как железнодорожные провода
Тянутся мимо жизни и мимо смерти...

Мы везде чужие, везде ничьи.
Кабы хата с краю, а то нигде.
Горы умных книг мы уже прочли,
И казалось, был неплохой задел.

Мы, конечно, знаем, что знаем ноль,
И нулями тычем друг другу в грудь.
Если сила в силе – тогда изволь,
Только этот путь – тупиковый путь.

Не приладить к месту свою печаль,
Рифмоваться с миром дано не всем.
Ты пойми, тебя никому не жаль,
У других хватает своих проблем.

Потому уныние и тоска
Даже самых лучших ведут в тупик.
Варианты есть, продолжай искать
Даже там, к чему ты давно привык.

Даже в самых глупых, смешных вещах,
Даже в тех местах, что помилуй бог!
Даже если это последний шаг,
Будешь знать: испробовал всё, что мог.

Ты имеешь право на эту жизнь,
Ты имеешь право на эту смерть.
Если это мало, тогда скажи,
Что другого ты бы хотел иметь?

Осознать, что сила в тебе одном,
Иногда не хватает и жизни, но
На последнем шаге мы всё поймём.
Это будет просто, почти смешно.

А пока латай свой земной уют,
Осыпайся буквами между строк.
Нас потом, как яблоки, соберут
И ещё не раз заготовят впрок.

БУДЕ ПО ТОБІ ВІЧНІСТЬ...
(УКРАЇНСЬКОЮ)

Август ещё обещает немного тепла,
Лампа ворует у ночи кусочек стола,
Ветка стучится в окно, за окном темнота.
Выглянешь – улицы та и как будто не та.

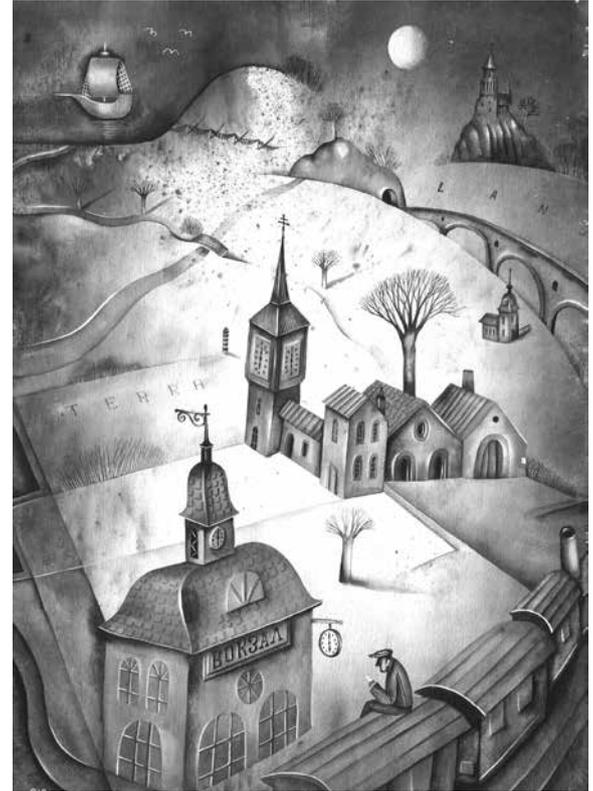
Думаешь, кончилось лето – такая печаль...
Лета не жаль, а себя прошлогодного жаль.
Птица всё падает вверх, только яблоко вниз,
Будет похоже на смерть, а окажется жизнь.

Будет похоже на явь, а окажется сон,
Кто не умеет проснуться, к утру обречён.
Это такая игра, но без правил вообще.
Что мы за люди, не видим понятных вещей...

Я тебе яблоко, я тебе радость и боль,
Я тебе музыка, я тебе страх и любовь.
Видишь, внутри у меня осыпается сад,
Время проходит на ощупь, насквозь, наугад.

Яблоко снова и снова срывается влёт,
Птица парит и попутного ветра не ждёт.
Всё повторяется, всё прорастает опять –
Нет ничего постоянного, нам ли не знать.

Нам ли не видеть, какие вокруг миражи.
Что мы за люди, никак не научимся жить...
Лето созреет к утру, словно липовый мёд,
Сердце нальётся, как яблоко, и упадёт.

Навіть коли стоятимеш поряд із ними,
Будеш самотній, як пасажир на вокзалі.
Кожен, відтак, пустелю свою нестиме –
Через життя до смерті і трохи далі.

Мури зруйнує часом, ліси здиміють,
Першими завше падають самі вперті.
Зрештою, всі поводяться, як уміють,
Жоден не хоче бачити далі смерті.

Так зазирнути далі свого кохання
Буде несила – наче тебе розкреше.
Кожного разу думаєш, що востаннє.
Кожного разу думаєш, як уперше.

Буде по тобі вічність чи порожнеча,
Марно гадати – стежки несповідимі.
І височінь лелеча, й земля чернеча
Сходяться через тебе – нерозділимі.

Так серед ночі схопишся і не знаєш,
Що то калатає в грудях – життя чи потому.
Скільки відпущено, більше собі не вкраєш.
Ранок займається, наче тобі одному.

Кожного разу я думаю, що не влучу.
Мама завжди казала, що я везучий.
Тисячу раз казала, та не навчила,
як захищати жабра, латати крила.
Я підіймаю руки, хапаю вітер.
Що мені з ним робити, куди подіти?
Сонце встромляє лезо межі шпалери
і роздирає ранок, як шмат паперу...

Боже, коли носив ти мене в долоні,
і розглядав прожилки мої на скроні,
чорні мої зіниці, блакитні вени,
що ти собі гадав про спадкові гени?
Звідки ота луска, тее пір'я нащо?
Мама завжди казала, що я ледащо.
Тисячу раз казала, але жаліла,
пестила плавники, випрямляла крила,
пір'я складала віялом на канапу...

Я розгорну цей простір, неначе мапу,
я тятеву напну на старого лука.
Ти не казала, мамо, яка то мука –
здужати перед морем і перед небом,
бачити тільки те, що на правду треба,
бути як риба-птаха, як стріла скрипуча.
Але тепер я влучу.
Я точно влучу.

Байдуже, хто мені скаже, що все скінчилося –
Злива, життя, кохання, слова та речі...
Аби вона на мене ось так дивилася
Кожного божого ранку, кожного вечора.

Дурневі бути щасливим – завжди є нагода.
Птаха співає, бо тим затуляє безодню.
Чим затулити так само тебе від негоди?
Хай не навіки, а хоч би на мить, на сьогодні.

Адже нічого немає, крім того, що маємо –
Злива, кохання, життя... Молоде та зелене
Літо пульсує у скронях: безсмертя не вкраємо
Ані на трохі. По всьому лишиш біля мене.

Байдуже, скільки збиралися хмари над дахом,
Навіть у мряці є віра, любов і надія.
Дерево випустить пагін – і тішиться птаха.
Стане на ніжки малеча – і серце радіє.

Час відпускає нас далі без болю і суму,
Як не впирайся, а вічність чекає на брамі.
Дай мені руку, вже грають невидимі сурми,
Небо торкається міста за маківки храмів.

Спека бере за зябра і топить в небі –
Дихай отим блакитним, м'яким, гарячим.
Не поспішай, бо все, що насправді треба –
Бути живим і зрячим, живим і зрячим.

Птаха пливе вгорі, як небесна риба –
Глибше і глибше, неначе от-от потоне.
Скільки з цієї реальності не вистрибує,
Не перетнеш без болю свої кордони.

Не перетнеш без остраху цю безодню,
Де лиш пісок і вітер будують стіни,
Але живи сьогодні, живи сьогодні,
Бо не помітиш, як сьогодні сплине.

Маєш квиток і маєш свою валізу.
Думає тепер – поїхати чи зостатись.
Спека, як сумнів, у кожну шпарину лізе,
Щоби в тобі гніздитися і зростати.

Шарпнеться потяг – вірвється щось у грудях,
Будеш стояти один на пустім пероні.
Плакати легше одному, аніж на людях.
Вітер читає світ по твоїй долоні...

День непритомніє, час добігає до серпня,
Літо густе і медове: пливи, наче риба.
Небо торкається серця, і ніжність нестерпна,
Наче від серця щоразу відкраєна скиба.

Я ніби досі малеча – життя нескінченне,
Тато живий і усміхнений, мама удома...
Щастя у кожній хвилині – просте і буденне, –
Просто нічого, крім щастя, тобі невідомо.

Так не триватиме довго, змарнується літо,
Всохне троянда, заплетена в пруті альтанки.
Там, де майбутнє холодною кригою вкрито,
В тебе завжди зостаються серпневі світанки.

Світ не чекатиме нас – полетить, понесеться,
Час захитає щосили невидимі ваги.
Все, що залишиться – ніжність у твоєму серці –
Те, що насправді вартує твоєї уваги.

СЕЗОННЫЕ СМЫСЛЫ
(ИЗ ДНЕВНИКОВ)

Хочется остановить время, но оно и без того стоит на месте. Ждёт, когда мы сами пройдем сквозь него...
Глупые мы люди.

Я вижу облако и говорю себе: «Смотри, облако!»

Я вижу птицу и говорю себе: «Смотри, птица!»

Меня переполняет трепет и восторг, словно вижу всё в первый раз.

Меня переполняет печаль и нежность, словно вижу всё в последний...

Сердце во мне парит, как в невесомости. Внутри так гулко, будто во чреве большого колокола.

Однажды придёт звонарь, и каждый из нас вдруг зазвучит особым протяжным звоном. И тогда время двинется с места. И поплывёт нам навстречу...

Время хитрит, ускользает из моего сознания... ускользает, отсекая пространство по обе стороны от меня. Так иной раз дождевая стена отсекает часть города (словно кусок праздничного торта) и творит с ним что хочет.

Так от меня отсекают моё будущее, ковыряют чайной ложечкой, разделяя на крем и коржи, на марципановые розочки и сахарную пудру...

Я стою на краю времени, хватаю ртом воздух, взмахиваю беспомощными руками...

Там больше некуда жить. Всё только здесь и сейчас.

И нужно очень сильно чего-нибудь захотеть.

Так сильно, чтобы время перестало иметь значение.

Казалось, любовь – это светящаяся субстанция, яркая звезда в центре космоса. И когда она, наконец, засияет для тебя, ты будешь спасён. Ты станешь сильным, бесстрашным и неуязвимым. Ты будешь великаном, Гулливером, ты поднимешься над всей этой суетой, и маетой, и неустроенностью... И будешь думать только о высоком и прекрасном.

Но получается как раз наоборот.

Потому что любовь несоизмеримо больше и волшебнее, чем центр нашего космоса. Она и есть этот самый космос. Бесконечный, прекрасный и пугающий. И когда он случается с тобой, ты зависишь в невесомости – маленький, удивлённый, беспомощный. А потом тебя протаскивает по всем камням, и ухабам, и неровностям, словно штормовая волна сходит обратно в море и тащит по гальке всё, что попало на пути. И первое, о чём ты думаешь, это не вопрос собственного спасения. Ты думаешь, уцелел ли тот, кто рядом.

Ещё одно лето, Господи, спасибо, ещё одно...

С высоты птичьего полёта, наверное, хорошо видно, как на рассвете город проступает из темноты, словно большой фотоснимок, вынутый из проявителя, обретает очертания и яркость, насыщенность и контраст. Сознание немедленно восстанавливает его вчерашние контуры и краски, картинка обретает плотность и осязаемость от одного только взгляда в окно. Мы слишком обусловлены, слишком не готовы к неожиданностям. Даже когда не ищем стабильности, мы ищем безопасности, в чём бы она ни выражалась.

Закрой глаза, представь, что тебе пять лет, и посмотри в окно ещё раз. Представь, что тебе ещё не нужно выбирать, во что верить, потому что нет никакого выбора – всё едино, всё неделимо. Ещё не нужно искать смыслы, наделять что-либо значимостью. Ты ещё путаешь «вчера» и «завтра» просто потому, что время не имеет никаких насечек, оно даже не длится, оно просто есть. И ты просто есть и от этого практически неуязвим и категорически бессмертен. И ломтик янтарной дыни или кружка свежей малины делает тебя абсолютно, абсолютно счастливым...

Мне кажется, август янтарного цвета. Цвета мёда и яблочного варенья. А ещё цвета зрелого винограда – сине-бордового, изумрудно-зелёного... Август медленный и тягучий, как древесная смола, как полуденная нега.

Его внутренняя тишина и ясность неспешно проступает сквозь слепоту лета, чтобы к осени обрести новый голос, созревший и глубокий.

Август бархатный, как крылья бабочки, как ночной шорох занавески, как лист бегонии на подоконнике. Кажется, что он почти лишён смыслов. Если бы не апрель, август был бы самым легкомысленным временем. Но тяжесть созревших плодов тянет его к земле, делает более значимым и весомым.

Август прозрачен, его воздух проникаем. Его звёзды ярче и ближе, чем когда-либо. Они смотрят в тебя до самого дна, молча, словно глаза вечности.

Концентрация этой тишины порой становится невыносимой.

И чтобы разбавить эту тишину, приходится произнести слово. Оно зреет в тебе, как гроздь винограда, как тёплая мякоть персика и абрикоса, как садовая роза, оплетающая ограду внутреннего сада. Оно наполняется соком и светом, силой и нежностью, единственным смыслом. И слово – это Бог.

Хочется бесконечно смотреть на эту качающуюся крону огромного дерева за окном... Так ветер обнаруживает себя, не имея иных возможностей показать своё присутствие, не умея обрести ни цвета, ни мягкости, ни плотности.

Так внутри меня раскачивается тяжёлый маятник, всё сильнее и сильнее, пока не проьёт одну из стен. И кажется, уже нет разницы, куда падать сердцу... Только бы эти колыбельные ветви всё качались и качались, только бы сентябрь нежно и уверенно проступал в прожилках листьев.

Осень обнажает в нас истинные чувства, уточняет в нас возраст.

Перемены едва заметны, но вечность уже подступает к самому стеклу, упирается в него лбом, и нет никакой возможности отвести глаза.

Осень строже требует честности, словно упраздняя всё внешнее, обращает тебя внутрь, заставляет структурировать собственное пространство. В ней есть что-то непоправимое, необратимое...

Именно осенью время приучает нас к утратам вдумчивей и аккуратней, как к обычному порядку вещей.

Каждый раз осень волнует меня много сильнее, чем другие времена года. Здесь, в сентябре, начинается новый отсчёт, душе задаётся правильная настройка. Мир немного горчит и чувствуется острее. Во всём проступает какая-то обречённость и надежда одновременно.

Я вижу, как пространство делается объёмней и прозрачней, словно всё материальное и плотное истончается и истлевает. И только ветер всё качает и качает небесный маятник, и в незримых часах бесшумно двигаются стрелки.

Время внимательности и смирения.

Простые вещи уже не выходят из моды: мятный чай, запах яблочной шарлотки, тёплый плед, вкус спелого инжира, утренний поцелуй, вечерняя прохлада... Жизнь. Ничего, кроме жизни.

Дни всё короче. Пространство всё прозрачней... Кажется, любой предмет теперь можно пройти насквозь. Свет такой пронзительный и почти ирреальный, как в детских фантазиях или старых фильмах. Крона огромной липы за окном всё больше становится похожей на лоскутное одеяло. Чувствуешь, как и тебя осень латает – так же надёжно, легко и почти безболезненно.
В воздухе столько смерти, что жизнь прекрасна!

Палитра меняется неспешно, осторожными мазками. Чуть больше резкости и контраста, чуть мягче и приглушённое тона. Замечаешь, что даже сны становятся цвета сепии. Сумерки густеют почти незаметно, как черничное варенье на медленном огне. Проснёшься ночью, сядешь в постели, и кажется, что тьма вот-вот выдавит стёкла, вольётся в комнату, и ты утонешь в ней, словно в чернилах...

Всё, что осень в нас уточнила и сконцентрировала, все смыслы, которые она уплотнила и замесила в нас до густоты и пластичности, зима теперь должна ограничить и кристаллизовать.
В отличие от осенней внимательной строгости и почти интимности, зима слишком хладнокровна и безапелляционна. Здесь всё кажется слишком концентрированным (как засахаренное варенье), слишком грубым (как шерстяные носки), слишком острым (как осколок колотого льда).

Здесь не так много места для манёвра. Всё, что было обращено внутрь, теперь работает на обогрев собственного пространства. Всё, что обращено вовне, застывает коваными цветами в перилах лестниц. Иной раз думаешь, что зиму придумали для наращивания стен и занятий внутренней отделкой. Ещё несколько ступеней вверх, хотя бы несколько, пока кто-то собирает буквы из колотого льда...
Время принудительного взросления.
Время чётких контуров и трафаретов.
Предельная контрастность, ничего лишнего.

Всё будет так, как должно. Пройдут дожди, уляжется ветер, улягутся листья. И в этой сезонной наготе не будет весенней трогательности, но лишь строгость и отстранённость.

Поверх всего упадёт первый снег. Так присыпают тёплый ещё пирог сахарной пудрой, а она темнеет, растворяется, тает... и нужно присыпать заново.

Затвердеет мякоть, затянутся прорехи. Поблекнут цвета, просочатся внутрь каждого предмета и заживут другой, тайной жизнью. Никаких внешних избытков, теперь только вглубь, к самой сути, к сердцевине. Время новой оптики, контрастного пространства, внимания к неочевидным вещам, чьи смыслы становятся более выпуклыми и отчётливыми.

Кто-то ещё успеет запасти немного тепла, распахать по карманам, спрятать за пазуху.

Горечь остынет и ляжет усталостью на дно души.

Лягут в постель влюблённые и недюлимые: кто-то в свою, кто-то в чужую, кто-то в ничью...

Осень всех разложит по полочкам и ячейкам, всё уточнит и приведёт в соответствие.

Время внутреннего безмолвия и созерцания.

Время обучения новому сердечному ритму.

Да, это такое время. Оно сгущается, как патока, как прошлогодний мёд... становится древесной смолой, янтарём, кристаллом. Стрелки часов делают полный круг, и ты стоишь по колено в зиме, как вечная Герда (календари здесь бессильны), где-то впереди маячит твой персональный Северный полюс. Но эти глыбы и глыбы льда нужно растопить во что бы то ни стало. И кроме тебя, похоже, у тебя нет больше никаких средств.

Такое время... Это потом оно расслоится на амальгаму и эфир, на тёплые брызги и утреннюю дымку. Оно проступит тёплыми тонами, мягким кашемиром закатов, лёгким шёлком рассветов.

Всё образуется, все образуются.

И жизнь опять и опять победит смерть.

Потому что иначе не бывает.

А пока – вперёд, Герда, вперёд, моя девочка!..

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ (ИЗ ДНЕВНИКОВ)

Порой я думаю, что мы не умеем проживать свою жизнь. Особенно, когда она не оправдывает наших ожиданий. Нам кажется, что мы можем её как-то игнорировать, на что-то отвлечься, побыть в стороне. Нам даже кажется, что проще поучаствовать в какой-то другой, чьей-то жизни, пока наша протекает не по самому лучшему сценарию. Так, словно мы можем выйти из неё, как из автобуса, чтобы топтаться немножко на остановке и сесть в следующий. Но, вот незадача, следующего не будет! Свою жизнь нельзя переждать ни в каком другом месте, ни в какое другое время. Поэтому берегите себя. Не спускайте с себя глаз.

Однажды понимаешь, что самые важные вопросы человек должен задать себе сам. Можно сколь угодно долго ходить вокруг колодца, погибая от жажды, но пока не вытащишь ведро с водой, никакие молитвы тебе не помогут.

Мы вырастем. Мы все вырастаем и хотим больше не расти. Как известно, взросление неизменно ведёт к старости. Мысль об этом всё ещё не приживается в нашем сознании. Мысль эта пахнет нафталином и валерьяновыми каплями, старыми книгами и цикорием, испитым чаем и мятными леденцами, дешёвым мылом и корвалолом... Меж тем старение – единственный способ жить долго.

В детстве мир взрослых казался таким прочным, таким основательным, почти безупречным. Мы подросли, огляделись по сторонам, и оказалось, что никаких взрослых здесь нет.

Со временем понимаешь, что проходит не только жизнь. Проходит смерть. И от понимания этой протяжённости что-то такое делается с привычным, обласканным с детства страхом, что думаешь: «Наверное, это я уже выросла. Наверное, больше нечего бояться».

Нужно просто прожить эту свою жизнь, сколько бы её ни было. Потом прожить всю свою смерть (тут и вовсе ничего не понятно, в смысле времени)... Главное, что первое младенческое «я сама» вдруг оказывается дозволенным. Свобода посметь и справиться. Ответственность, которую принимаешь.

И чувствуешь, что внутренние радары, наконец-то, отстроены, и вся система замкнута на тебе. И поэтому уже не оглядываешься (кто бы чего не подумал), не дёргаешься (а что другие скажут), не суетишься (кто бы помог и подстраховал), ничего такого. Пропадает внутренняя необходимость «держатъ лицо». Оно уже само как-то...

Можно перестать уже наконец-то врать себе (даже с самыми лучшими побуждениями, даже во благо). Можно наконец-то говорить правду другим.

Для хороших поступков не нужны никакие основания. Уже не торгуешься ни с кем ни за что, уже можешь себе это позволить. Более того – не страшно оступиться! Опыт можно извлечь из всего, из любой мелочи.

Извлекаешь себя из себя же. Из привычной, надуманной, обставленной условностями, обвешанной фенечками, нарядной и загадочной... Да признайся уже себе, что вот эта улыбка – нарисованная, вот эта искренность – напускная, вот эти любви – придуманные. Сядь уже и выплачь всю вот эту чушь! А потом встань и иди себе дальше.

Вдруг замечаешь, что жалость к себе злит.

Да и чёрт бы с ней, с жалостью, но иногда она замешена на глупой юношеской зависти. Вот, мол, у кого-то получилось, вот кто-то достиг, кто-то пошёл и взял, кто-то рискнул и смог... а я...

И уже отслеживаешь вот эти все свои крючки. Отстёгивайся! Открепляйся от дурацких балластов. Пойди и возьми, реши и сделай, рискни и справишься! И не ной, только не ной. Потому что выросла уже. А вокруг тоже не дураки, как оказалось.

Избавляешься от заблуждения, что разбираешься в людях лучше многих, что чувствуешь глубже многих, что талантливее, что сильнее, что заслуживаешь большего... Брось. Заслуживаешь ровно того, что имеешь. И вдруг начинаешь радоваться возможности «не соответствовать» – иметь эту смелость (и слабость). Не прицениваться к чужим успехам, не сравнивать, не просчитывать. Не бояться зеркал, не оглядываться на тех, кто моложе и успешнее, не примерять себя к чужим клише.

Уже можешь позволить себе не общаться с теми, с кем не хочется. Уже умеешь говорить «нет» так же уверенно, как «да», и никогда их не путать.

Время испытывает меня на прочность. Небесная клепсида проворачивается всё чаще, но жизнь в ней плещет и всё не кончается. Время бесконечно, и иногда его просто не стоит брать в расчёт, теперь я это лучше понимаю.

Самое острое переживание последнего времени – ощущение «я есть». Я есть! Это лучший подарок, который можно получить от этого мира. А самое важное, что мы можем сделать для себя, это присутствовать в собственной жизни, что бы с ней ни происходило.

Главное, что я поняла: нельзя себя ни с кем сравнивать. Просто потому что не с кем. Никто не такой, как ты. Каждый уникален. Нельзя себя сравнивать даже с собой (особенно с собой!) – вчерашним или позавчерашним, с собой мнимым, желаемым или возможным. Это самые бессмысленные и опасные игры! Никаких «если бы»... Именно здесь и сейчас ты такой, какой есть. Да, вот такой. И это единственная данность.

Взывать к мирозданию о помощи иногда кажется стыдным. Понимаешь, что задолжала миру гораздо больше, чем он тебе. Как легко в юности было найти причину чего угодно в чём угодно. Сейчас же знаешь о себе столько, что даже ложиться с собой в постель бывает скучно.

Никто не в ответе ни за твой талант, ни за твою любовь, ни за твою совесть, ни за твою веру. Все свои пожитки несёшь на руках впереди себя и можешь бросить в любой момент.

Выяснения отношений с людьми, с каждым конкретным человеком – это в результате выяснение твоих отношений с миром. И чаще в одностороннем порядке. И такое общение требует слишком много энергозатрат, слишком много напряжения, где цель не оправдывает средств.

Поэтому лучше жить в согласии.

Уже разрешаешь другим принимать решения, которые идут вразрез с твоими интересами, и удивляешься, что теперь это возможно. Теперь возможно позволить другим не одобрять тебя, не принимать, не любить (не любить! уму непостижимо!)... Не то чтобы «разрешаешь» даже, а соглашаешься с тем, что другие могут быть какими угодно. Они всегда и были такими! Но неизбывная твоя претензия, но привычка всё принимать на свой счёт... сколько уходило на это эмоций и умственных усилий, смешно даже.

Никаких крайностей, больше никаких крайностей. Любви до гроба не бывает. Кому она нужна в гробу, эта любовь? Год, три, пять... Самая крышесносная история делается просто публицистикой, просто красивым фотоальбомом и, если повезёт, сборником стихотворений или зарисовок. Дальше всё прозаично. Ты отыгрываешь сценарий до конца или уходишь во второй состав. Или вообще меняешь амплу и профиль. С возрастом время прессуется так, что сюжет постановки просчитываешь, ещё не дойдя до гардероба (сразу сворачивай в буфет, ничего интересного уже не будет).

Всё, что откладывал на чёрный день, никогда не пригодится. Никогда! Пока ты жив, чернота имеет оттенки. Когда умрёшь, всё скопленное проедят, просядут или снесут на помойку. Никто не видит мир так же, как ты, смирись с этим.

С возрастом понимаешь, что роль массовика-затейника никогда не была твоей. Быть в центре внимания всегда накладно – и морально, и эмоционально. В пятнадцать лет ещё можно репетировать у зеркала снисходительную улыбку, взрослое лицо, небрежный жест. Зачем? Это у тебя в крови... Сперва скрываешь и сомневаешься, потом культивируешь и сомневаешься, потом мечешься и сомневаешься. Просто успокойся и не сомневайся.

Уже можешь сидеть молча в любой компании и не бояться выпасть из обоймы. Ты не чёртов патрон! Тебя не отливали, чтобы попасть в один единственный висок или в одно глупое сердце. Ты снаряд, ты бомба с часовым механизмом. Сиди спокойно. Не делай резких движений.

Не надо никуда бежать, чтобы успеть за жизнью. Она давно пришла за тобой сама.

Будь радушной хозяйкой – это хорошо и красиво. Будь хорошим другом – это честно и разумно. Помни о родителях, поддерживай детей, здоровайся с соседями. Спи с открытыми окнами, пей свежую воду, заботься о животных. Поливай цветы, звони родственникам, пой нежные песни. Всегда отдавай больше, чем принимаешь...

Так легко, так просто.

Если внимательно оглядеть пространство своей жизни, то увидишь, что осталось не так много вещей, которых можно бояться. Не так много вещей, которые можно хотеть.

В твоём мире, вообще, осталось не так много вещей. Все их внутренние смыслы потеряли детскую привлекательность, и приходится выбирать лишь те, которыми можешь добавить что-то от себя.

И тут внезапно оказывается, что тебе есть что добавить! И это поистине поразительное открытие. И для общения с миром тебе уже не сильно нужна массовка. Процесс становится всё более интимным.

Делаешься терпимей и снисходительней к людям. Прощаешь им их самих. Пусть разбираются, как умеют. Быть любимым – далеко не всегда означает быть понятным. Теперь делаешь на это скидку, и становится немного спокойнее.

Личное счастье порой кажется доступным и обозримым при каких-то определённых условиях. Вот вырасту, выучусь, и будет мне счастье. Или вот создам семью, заведу детей... или найду хорошую работу, закончу ремонт, куплю новую машину... или разведуся, перееду, напишу лучшую в мире книгу, сниму лучшее в мире кино... вот тогда точно уже будет счастье.

Не будет. Никакого счастья не будет.

Потому что оно – только ожидание, только иллюзия наличия каких-то гарантий. Личного счастья нет. Есть только покой и воля (которых тоже, по сути, нет). Лучшую книгу пишет кто-то другой, кто-то другой снимает лучшее кино.

Есть моменты благодати и удовлетворения. Остальное – игры в прятки.

По-прежнему хочется молчания и уединения. Когда по всей территории сняты капканы, по-прежнему обходишь опасные места, уже просто по инерции.

В последнее время пропадает желание цепляться за что-либо – за людей, за вещи, за идеи. Потеря юношеского энтузиазма и азарта сильно сказывается на мотивации к чему бы то ни было. И всё чаще думаешь не о том, как прибавить количество лет жизни, а о том, как прибавить количество жизни каждому году. Продолжаешь искать что-то такое, что можно было бы полюбить на всю жизнь.

Внутренняя наполненность с недавних пор кажется обременительной.

Проще, проще, ещё проще...

Упразднить идею лоскутного одеяла до иголки и нитки. Сложные эмоции теряют в цене от одной лишь сквозной улыбки.

Дворник с утра метёт улицу с характерным шуршащим звуком. Пока не выглянешь в окно, нет ни дворника, ни улицы, а только этот ритмичный шелест в сопровождении птичьего хора. Какая изысканная режиссура.

По-прежнему прорастаешь в себя с трудом. По-прежнему пытаешься свести этот процесс к искомому знаменателю. Но пространство всё ещё состоит из одних только дробей.

Отсекаешь лишнее, отделяешь, поражаешься этому монолиту. Выбираешь только то, что уже ни на что не делится. Из этой выжимки будет состоять ещё одна временная реальность.

Способность к взрослению не зависит от времени напрямую. Порой не зависит вовсе. Разворачивание внутреннего возраста происходит по каким-то особым законам. Это всегда очень личная, персональная история.

Попытка учиться на чужих ошибках – весьма бескровная замена собственного опыта. Наверное, в этом можно как-то преуспеть и добиться успеха. Наверное, у кого-то это получается...

С какого-то момента понимаешь, что людей надо жалеть и хвалить почти в равной степени. Людям нравится, когда их хвалят и жалеют. И те, кто говорит, что не любит жалости, любит её всё равно. Потому что так проявляется не только сострадание, но и искренний интерес.

Просто иногда мы не умеем проявить это красивее. Мы, вообще, мало что умеем делать красиво.

И с возрастом это становится всё заметнее.

Искать расположения других людей, заслуживать, добиваться – занятие тщетное. У каждого своя оптика: для одних ты бог, для других тлен. Поэтому берегите своих. Своих всегда не слишком много, и они верны, но уязвимы.

Любые отношения – слишком сложный механизм, чтобы держаться на одних только благих намерениях. Какие-то соединения и проводки непрестанно то барахлят, то рвутся. Нужно постоянно налаживать связь, постоянно.

Иногда нам кажется, что мы особенные, что мир мог бы делать на это скидку, а уж другие люди и подавно. О, как велики наши заблуждения.

Иногда стоит сжечь мосты лишь затем, чтобы перейти реку вброд.

Как холодна моя вода, как непроглядна...

Но теперь я вижу, как много прекрасных людей на том берегу. Как они не спускают с меня глаз. Как невидимое небесное вещество течёт сквозь всех нас, заполняя пробелы и пустоты.

В ожидании рассвета город спит на семи холмах. Ветер качает его на небесных качелях.

Моё сердце рвётся от нежности и печали.

Ни то ни другое больше не смертельно.

Теперь я знаю, как ощущение дома переходит извне вовнутрь. Как вдруг открываются вещи, которые важнее жизни и смерти. Как люди оказываются много лучше, чем ты мог себе представить. Как одно короткое мгновение способно прокормить целую вечность. Как много Бога в каждом дыхании. Как часто мы находим совсем не там, где ищем. Как великие сокровища скрываются в самых простых вещах. Как отношения всегда важнее, чем доказательство собственной правоты. Как расстояние не делает близких далёкими. Как свет можно найти даже в самой непроглядной тьме. Как шатка и непрочна наша реальность. Как жизнь ни на что не даёт гарантий. Как вечность проступает во всём, чему ты уделишь хоть немного своего внимания и тепла. Как много нежности может быть в самом суровом сердце, и как много духа в самом хрупком теле. Как добывают жизнь почти из полного её отсутствия. Как любовь творит чудеса...

СОДЕРЖАНИЕ

Я ЕСМЬ ПИСЬМО.....	5	ДЕРЕВО МАШЕТ КРЫЛЬЯМИ.....	53
1. «Свитки бы исписал, а с небес ни строчки...».....	7	«Дерево машет крыльями, словно птица...».....	55
2. «Когда луны обмылок пыл над нами...».....	8	«В тот раз, когда мы виделись с тобой...».....	56
3. «Из той тишины – из продольной...».....	9	«У меня был Краков, Париж и Рим...».....	57
4. «Оставлены пожитки...».....	10	«Все пустые разговоры...».....	58
5. «Я бросаю слово, будто тонкий невод...».....	11	«Выбери в местной лавке себе платок...».....	59
6. «Где город носит сон на коромысле...».....	12	«Когда бы знать, что это будешь ты...».....	60
7. «В прошлое нынче невелики вложеня...».....	13	«Все так и шло...».....	61
8. «Вот так, скрипя о петли бытия...».....	14	«Это такие слова...».....	62
9. «– Бери, – говорит, – я ли тебе не январь...».....	15	Я ПОМНЮ ВСЁ.....	63
ИГРАТЬ В СЛОВА.....	17	«Я помню всё...».....	65
«Играть в слова словами ради слов...».....	19	«Не говори о нас, не говори...».....	66
«Не опереньем ценится стрела...».....	20	«Все проходит, всё пройдёт...».....	68
«Там, где время казалось линейным...».....	21	«Здесь отставали всякие часы...».....	69
«Увези меня, моя радость, к большой воде...».....	22	«Это кто сидит на большом холме...».....	70
«Оттого ли двигаться по краю...».....	23	КУДА Я БУДУ ТЕБЕ ПИСАТЬ.....	71
«Какие штормы застыт белый свет...».....	24	«Куда я буду тебе писать...».....	73
ОСТАВАЯСЬ В ТИШИ.....	25	«Как-то всё уладится, заживёт...».....	74
«Оставаясь в тиши этих медленных...».....	27	«И этого хватило бы впоiane...».....	75
«Так рыбаина утащит рыбака...».....	28	«Ночь оставляет нетронутым только контур...».....	76
«Время месит белый свет...».....	29	«Всего-то – верить в тебя, и только...».....	77
«Город метнётся навстречу тебе вдоль дожда...».....	30	«И вот уже захвачены врасплох...».....	78
«На полфразе прерван разговор...».....	31	КОГДА-НИБУДЬ.....	79
«Ты слышишь, под нами несутся составы метро...».....	32	«Когда-нибудь, когда меня не станет...».....	81
«Внутренний дворик похож на ушную раковину...».....	33	«На песчаную косу небо вылет бирюзу...».....	82
«Вероятность того, что город, уснувший...».....	34	«Каждого и прости, и благослови...».....	83
УЖЕ ЗИМА КАСАЕТСЯ ПЛЕЧА.....	35	«Мы везде чужие, везде ничьи...».....	84
«Уже зима касается плеча...».....	37	«Август ещё обещает немного тепла...».....	86
«Оттого, что зима...».....	38	БУДЕ ПО ТОБИ ВІЧНІСТЬ (УКРАЇНСЬКОЮ).....	87
«Поскольку время вычли до того...».....	39	«Навіть коли стоятимеш поряд із ними...».....	89
«Этот город как будто опять не у дел...».....	40	«Кожного разу я думаю, що не влучу...».....	90
«И только скрип усталой половицы...».....	41	«Байдуже, хто мені скаже, що все...».....	91
«Он говорит – неси...».....	42	«Спека бере за зябра і топить в небі...».....	92
«Если я тебя забуду...».....	43	«День непритомніе, час добигае до серпня...».....	93
«Ещё держу, ещё держу...».....	44	СЕЗОННЫЕ СМЫСЛЫ (ИЗ ДНЕВНИКОВ).....	95
ГОЛОС. ДЫМА НЕВЕСОМЕЙ.....	45	ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ (ИЗ ДНЕВНИКОВ).....	109
«Ещё твоё дыхание зиме...».....	47		
«Потому что с тобой говорю я на всех языках...».....	48		
«Если кто и смотрел на меня...».....	49		
«Когда в этом городе...».....	50		
«Кого винить, если всё уже давно...».....	52		

Літературно-художнє видання

Касьян Елена

FRAGILE

стихи

(російською мовою)

Гол. редактор Малюга І.С.

Літературно-художній редактор: Решко Ю.М.

Технічний редактор Донченко О.В.

Оформлення та верстка Донченко О.В.

Здано в набір 21.08.2016. Підписано до друку 17.09.2016.

Формат 60х90/₃₂. Папір офсетн. Гарн. ДжиллСанс.

Ум.друк.арк. 4,43. Тираж 500 прим. Зам. № 119

Видавництво ТзОВ «Ахіл»

79071, Україна, м. Львів-71, а/с № 4245

ahill@gmail.com

Віддр. в ТзОВ «Папуга»

м. Львів

ЕЛЕНА КАСЬЯН
FRAGILE

Каждый раз, пока время тщательно подбирает нас по тональности, как созвучные ноты, пока примеряет друг к другу в попытке идеальной рифмы, кто-то делает закладку внутри книги, кто-то запоминает последнюю фразу, кто-то вкладывает письмо в конверт, кто-то останавливает часы... Пространство расходится кругами, и колесо вращается вхолостую. Там, где мы, наконец, совпадаем, где находимся в фазе идеальных отношений, главное — не делать резких движений, не пытаться вырваться из настоящего момента. Реальность слишком хрупка, слишком зыбка. Ни впереди, ни позади нас дороги нет. Ни одно сердце не способно биться в прошлом или будущем. У него всегда есть только один удар. Сейчас.

